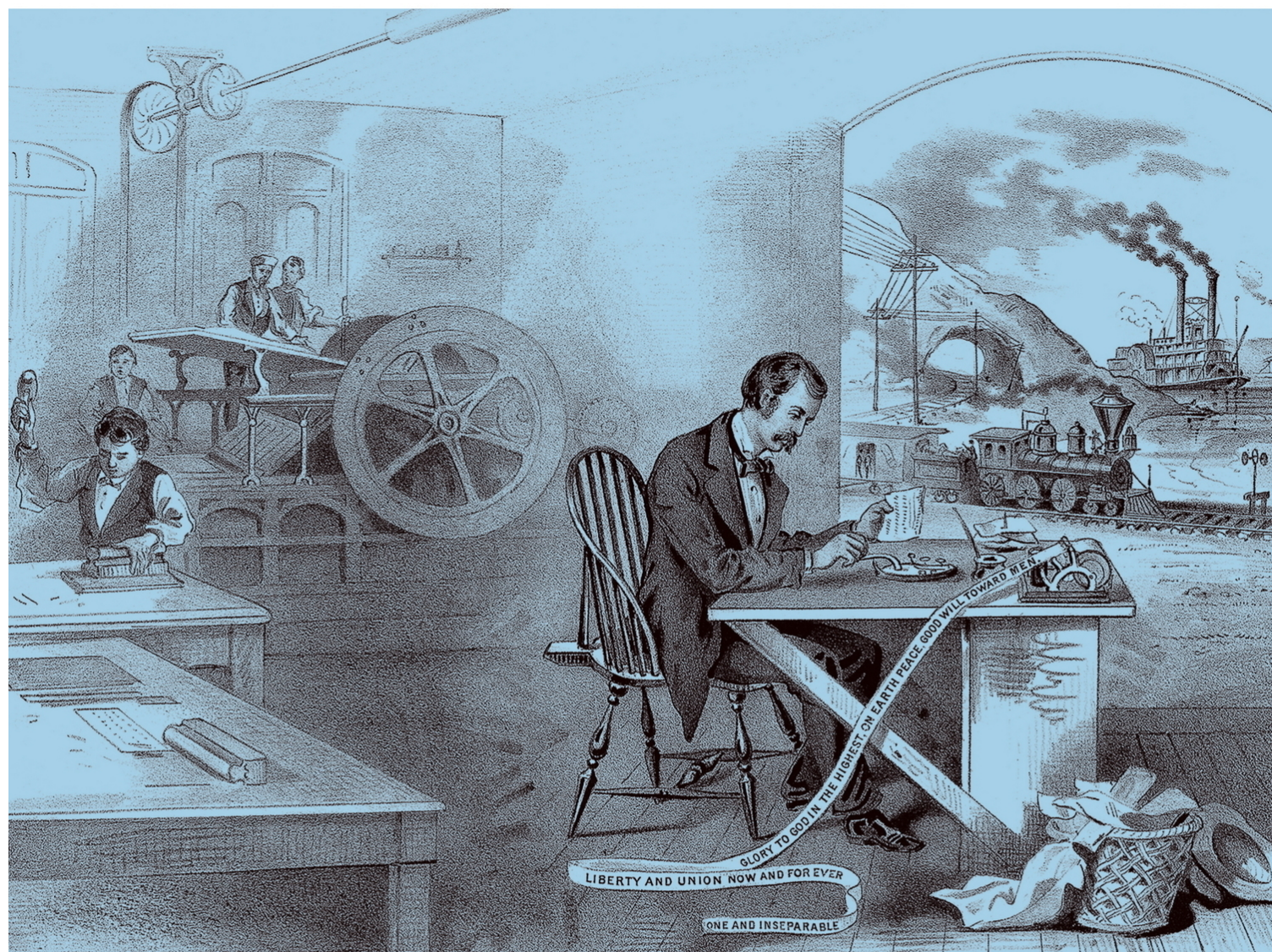

Н. Розенберг, Л. Е. Бирдцелл

КАК ЗАПАД СТАЛ БОГАТЫМ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА

История (Социум)

Л. Е. Бирдцелл

**Как Запад стал богатым.
Экономическое преобразование
индустриального мира**

«Интермедиатор»

УДК 330.342.14
ББК 65.013.5

Бирдцелл Л. Е.

Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование
индустриального мира / Л. Е. Бирдцелл — «Интермедиатор»,
— (История (Социум))

ISBN 978-5-91603-587-2

Книга «Как Запад стал богатым» Н. Розенберга и Л. Бирдцелла считается одним из лучших объяснений «европейского чуда» – взрывных темпов экономического роста вначале в Англии в первой трети XIX в., а затем в других странах Западной Европы и в США. До этого на протяжении нескольких тысяч лет писанной истории во всех человеческих цивилизациях подавляющее большинство людей жили в мрачном мальтузианском мире нужды, безграмотности, антисанитарии, эпидемий и периодического голода в неурожайные годы. Авторы пытаются выяснить, в чем же заключалась особенность Западной Европы, позволившая в конце концов создать современное промышленно развитое процветающее общество. Свое исследование они начинают со Средних веков. Формирование многих институтов, способствующих экономическому развитию, началось в Европе еще в те времена в недрах феодального политического и экономического устройства. Важнейшим фактором этой эволюции стала политическая раздробленность Западной Европы, отсутствие единой деспотической власти, чем Европа отличалась от Китая, Индии и исламских стран.

УДК 330.342.14
ББК 65.013.5

ISBN 978-5-91603-587-2

© Бирдцелл Л. Е.

© Интермедиатор

Содержание

Предисловие	7
Неэкономические источники и последствия экономического роста	8
Организация	10
Являются ли западные хозяйственные системы капиталистическими?	12
1. Введение	13
Бедность как норма	13
Постепенность роста богатства на западе	16
Некоторые предварительные объяснения	18
1. Науки и изобретения	18
2. Природные ресурсы	18
3. Психологические объяснения	19
4. Удача	20
5. Дурное поведение	20
6. Неравенство доходов и богатства	20
7. Эксплуатация	21
8. Колониализм и империализм	23
9. Рабство	24
Историческое объяснение: западная система экономического роста	26
1. Автономизация экономической жизни и купцы	28
2. Инновация через расширение торговли и открытие новых ресурсов	29
3. Инновация через сокращение издержек производства	30
4. Инновация через выпуск новых продуктов	30
5. Развитие источников инновационных идей	31
6. Неопределенность и эксперимент	32
7. Преодоление сопротивления инновациям	32
8. Инновация в организации: разнообразие	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Натан Розенберг, Л. Е. Бирдцелл
Как Запад стал богатым. Экономическое
преобразование индустриального мира

Nathan ROSENBERG L. E. BIRDZELL, Jr.

HOW THE WEST GREW RICH

The Economic Transformation of the Industrial World

© ООО «ИД «Социум», 2015

© Б. Пинскер, перевод, 1995

Предисловие

Сейчас сравнительно легко написать историю развития капиталистических институтов, поскольку каждый знает, что они такое: свободные рынки, частная собственность, деньги, хранение сбережений в банках, страхование, векселя, свобода создания предприятий и т. п. Труднее написать историю накопления богатства в западных странах, поскольку нет согласия в понимании того, как это происходило. Может быть, следует заимствовать опыт биологов, которые за последние полтора столетия поняли, что эволюционные процессы способны создавать разнообразнейшие системы – от протеиновых молекул до болотных экосистем, сложная и запутанная природа которых не дается человеческому пониманию. Эволюция западной системы экономического роста являет нам аналогичное отсутствие общего плана, а также важную роль случая, эксперимента и критериев выживания. Как бы то ни было, западный путь к богатству исторически уникален, и самое малое, чему мы можем научиться у биологов, – не рассчитывать на то, что здесь возможны простые объяснения.

Прежде чем обратиться к истории экономического роста западных стран и к поиску его причин, мы хотим сделать ряд предварительных замечаний. Во-первых, о роли неэкономических факторов в этой эволюции от бедности к богатству, в том числе о роли правительств XIX века. Во-вторых, о роли организаций для экономической деятельности – и предостеречь от предположений, что иерархические структуры есть единственная форма организации. В-третьих, об уместности термина капитализм или любого другого идеологически значимого слова, кончающегося на -изм, для описания экспериментального, зачастую прагматичного подхода к экономическим проблемам, используемого современным Западом. Этот подход нередко имел результатом политику и практику совершенно отличные от того, как изображают капитализм в учебниках.

Неэкономические источники и последствия экономического роста

В очерке экономической истории уместно отметить значительные неэкономические источники и последствия развития западного мира от бедности к богатству. Бесспорно, что, в силу распространившегося на Западе признания высокой ценности человеческой жизни, важнейшим последствием увеличения богатства Запада стал демографический эффект – рост населения как результат одновременного увеличения числа живущих людей и продолжительности жизни. Другим важным последствием была урбанизация западного мира – переход от преимущественно сельского общества Средневековья к почти исключительно городскому обществу современных стран Запада. В мире, где люди живы не хлебом единым, столь крутая перестройка не могла бы успешно совершиться, если бы неэкономические секторы общества не сумели успешно приспособиться к радикальным изменениям.

Важно осознать роль политических институтов в экономическом подъеме Западной Европы. Примечательной чертой экономических систем Запада в XIX – начале XX века была значительная независимость производства и торговли от политических или религиозных действий или ограничений, по крайней мере, по сравнению с ограничениями, действовавшими в XIV веке. Однако практика невмешательства (*laissez faire*) лишь в незначительной степени была свойственна этим экономическим системам. Напротив, и в XIX веке, и ранее западные правительства очень активно способствовали развитию производства и торговли. Правительства предоставляли правовые механизмы, обеспечивавшие возврат кредитов и выполнение соглашений; они решительно определяли и защищали права собственности, без которых невозможны инвестиции и торговля; они создавали правовые формы, отвечавшие потребностям предприятий; они субсидировали сооружение каналов, железных и шоссейных дорог; разумно или ошибочно, но они защищали с помощью тарифов и квот национальную промышленность от иностранной конкуренции; они предоставляли валюту, которая во многих странах служила стабильной мерой ценности. Некоторые достижения правительств, такие как бесплатное обязательное образование и транспортные системы – просто изумительны. Правительственная помощь океанскому транспорту – введение налогов на развитие навигации, а также строительство доков, волнорезов, расчистка фарватеров, контроль безопасности, создание спасательных служб, подготовка мореплавателей, создание морских госпиталей – представляет интерес потому, что она осуществлялась веками, не затрагивая ничьих принципов. Предоставление монополии с целью поощрить создание новых отраслей являет собой еще более давнюю практику, а выдача патентов на новые изобретения, особо выделенная в конституции Соединенных Штатов, к концу XVIII века стала общей практикой.

В более общем смысле отношения между политической сферой и экономической сферой, хотя и были отмечены высокой степенью автономии экономической сферы, включали ряд других элементов. Монополия на осуществление насилия, которая является наиболее фундаментальной характеристикой политической сферы, предполагала создание системы правосудия для ненасильственного разрешения экономических споров; она предполагала также разграничение и защиту прав собственности, в том числе ограничение налогов и защиту от политических экспроприаций. На Западе поддержание денежного обращения для облегчения торгового обмена было давней прерогативой государства. Представление об экономическом росте как об одной из форм изменения напоминает нам, что изменения никогда не бывают ограничены только хозяйственными отношениями, они затрагивают также общественную и политическую жизнь.

Хотя большей частью политические власти считали своим долгом помогать производству и торговле, в XIX веке стало сравнительно немодным регулировать торговлю, облагать ее зна-

чительными налогами, регулировать цены или заработную плату или стремиться к сглаживанию заметных различий в доходах. Предполагалось, что промышленность и торговля служат общему благосостоянию, так что правительство должно было поддерживать и поощрять их.

Подчеркивать независимость экономики от политических влияний вполне уместно в очерке экономической истории, но это только половина истории. То, что политики были относительно свободны от ответственности за ход экономической жизни, позволяло им концентрироваться на других аспектах правительственной деятельности, что привело в XIX – начале XX века к столь же исторически беспрецедентному прогрессу в политической жизни, как и в экономической. Национальные государства были консолидированы; право участия в выборах расширено; на смену абсолютным монархиям пришли республиканские и демократические правительства; юристы занимались реформированием права и во многих случаях достигли хороших результатов; тюрьмы были реформированы; были созданы бесплатные публичные школы; международные отношения были улучшены настолько, что между 1815 и 1914 годами Европа не знала больших войн; безопасность жизни и собственности граждан возрастала по мере роста законопослушности и эффективности борьбы с преступлениями. Эти улучшения были достигнуты с помощью невероятно низких налогов. Действенность правительства ценилась сама по себе, и это, бесспорно, являлось вкладом в увеличение материального благосостояния и безопасности жизни.

Организация

В рамках политического дискурса проблемы экономической организации рассматривались с точки зрения того, какого вида деятельность должна быть организованной, а какая – нет. Этот подход предполагает существование единственной формы организации – командной, как в армии, в некоторых политических и религиозных организациях, построенных на иерархических отношениях между руководителями и подчиненными. Экономическая теория использует иную концепцию организации, достаточно широкую, чтобы охватывать практически все виды экономической деятельности, и предполагающую вопрос, как следует организовывать ту или иную деятельность, а не – нужна ли здесь организация или нет. Предварительное объяснение этого различия может оказаться полезным для тех, кто полагает неуместным думать об организации только в терминах иерархического подчинения.

Экономическая ортодоксия предполагает, что все виды хозяйственной деятельности организованны. Так, покупатели и продавцы на рынках коллективно выбирают цели, распределяют функции между множеством людей и вознаграждают тех, кто способствует успеху. Даже явно простая экономическая задача вроде поставки яиц к завтраку предполагает сеть взаимодействий между тысячами людей в разных странах, которые не входят ни в какую иерархическую организацию, но при этом каждый из них выполняет свою маленькую роль, точно согласованную с деятельностью других. Задача не могла бы выполняться с той же надежностью, с какой это происходит в капиталистическом хозяйстве, если бы рынки не являлись мощной организующей силой, способной побудить множество людей к формированию совместных целей, к распределению между многими специалистами труда по достижению этих целей и к обеспечению стимулов, вознаграждающих за выполнение работы.

При выборе между рынком и иерархией как средствами организации хозяйственной деятельности нужно учитывать два аспекта. Что касается фирм, в которых обычно видят основные единицы хозяйственной жизни, то некоторые из них организованы иерархически, другие – нет. Второй аспект относится к экономике в целом: на более высоком, надфирменном уровне хозяйственные отношения могут организовываться иерархически или рыночно или в какой-либо комбинации. Поскольку разнообразие форм и размеров фирм велико, число возможных вариантов сочетания иерархических и рыночных способов организации практически неограничено.

Те, кто подчеркивают эффективность организации экономики через рынки, в действительности имеют в виду нечто большее, чем простое утверждение, что порой чем меньше организации, тем лучше. На деле они утверждают, что при некоторых обстоятельствах рынки обеспечивают более эффективную координацию усилий множества людей, чем командные системы (если мерить эффективность тем, как производство удовлетворяет потребности участников и насколько экономно при этом используются ресурсы). В пользу превосходства рыночной организации обычно выдвигают и тот довод, что рынок вознаграждает и наказывает сильнее и определеннее, чем иерархические структуры, так что в рамках рыночной организации сильнее давление в пользу достижения наилучших результатов. Таким образом, различие между рыночной и иерархической организацией – это не вопрос о большей или меньшей организованности и по некоторым критериям рынок представляет собой более эффективную форму организации.

Иерархия и рынок – не единственные способы побудить людей к сотрудничеству для достижения общих целей. Манориальная система была третьей формой организации экономики. Она использовалась для подчинения экономических аспектов деревенской жизни политическим и военным аспектам феодальной системы. Подобно современным экономическим системам Запада, она включала иерархические и неиерархические элементы. В главе 8 при рассмотрении сферы науки мы обнаружим эффективную и чрезвычайно производительную

форму организации, при которой отношения между учеными не могут быть описаны в терминах ни иерархической, ни рыночной организации.

Если бы человеческие сообщества состояли исключительно из Робинзонов, взаимно изолированных и производящих только для собственных нужд, тогда можно было бы с уверенностью утверждать, что производительность этих обществ лишь в малой степени приближается к их действительным возможностям. Поскольку практически все производство зависит от кооперации усилий, различие методов обеспечения кооперации в разных обществах представляет собой самый многообещающий источник объяснения различий в объеме производства и темпах роста. Чтобы исследовать эти различия, нужно понять, что возможны разные формы организации – к чему и направлены эти предварительные замечания.

Являются ли западные хозяйственные системы капиталистическими?

Осознание того, что первичными свойствами западных систем хозяйства были открытость к технологическим и организационным экспериментам и разнообразие организационных форм, заставляет поставить вопрос о том, как назвать эти экономические системы. В XX веке стало общепринятым называть экономические системы западных стран капиталистическими. Этот термин узаконен традицией. Но основным свойством экономических систем, возникших в Европе с упадком феодализма, является их предельная прагматичность и отсутствие идеологических связей с любыми принципами, за исключением экономической эффективности и выживаемости. Экономический подъем Запада стал возможен благодаря системе, сложившейся прежде, чем она была осознана как система или получила оправдание как идеология. Существовало множество идеологических привязанностей к соответствующим идеям и институтам – к частной собственности, свободе от произвольной конфискации или налогообложения и т. п., но не было идеологии, основой которой служила бы роль этих институтов в четко очерченной системе экономической жизни. Такое положение сохранялось до 1776 года, когда Адам Смит дал систематическое обоснование идеологии невмешательства, но к этому моменту основные институты западной экономики уже вполне сложились, и процесс экономического роста был запущен. На самом деле, если у Запада в первые одно-два столетия его экономического роста и была какая-нибудь экономическая идеология, то это был меркантилизм, позднее столь страстно и красноречиво отвергнутый Адамом Смитом. Ни Коммунистический манифест, ни Капитал (том I) не использовали термина «капитализм», хотя в 1877 году Маркс употребил его в своей переписке. Оксфордский словарь английского языка отмечает первое использование его в 1854 году Теккереем, который так обозначил условия владения капиталом. Для обозначения экономической системы впервые термин был использован в 1884 году в книге Дуэ «Лучшие времена». В конце XIX века последователи Маркса использовали этот термин как презрительное обозначение системы, которую они намеревались разрушить. Изобретатели термина не вкладывали в него рационального содержания; тем не менее защитники экономической системы Запада решили, что достоинства термина оправдывают неподчинение правилу, в соответствии с которым не следует использовать терминологию своих оппонентов.

Для обозначения западной системы хозяйства больше подходит термин «смешанная экономика», поскольку она всегда и была смешанной. Но современное употребление этого термина как бы предполагает, что были времена, когда существовал более чистый капитализм. Так что, несмотря на собственные возражения, мы будем использовать термин «капитализм» в согласии с традицией, для определения не идеологии (на -изм), но того изменяющегося набора экономических институтов, которые возникли в западноевропейских странах в эпоху экономического роста.

1. Введение

Бедность как норма

Если мы окинем взглядом историю человечества и оценим уровень жизни наших предков в соответствии с современными критериями, то увидим историю безнадежного прозябания. Тогдашние общества обеспечивали возможность человеческого существования только очень небольшим группам людей, подавляющее же большинство жило в бескрайней нужде. Благодаря литературе, поэзии, романсам и легендам, прославляющим сильных и благополучных, мы невольно забываем о нищете, господствовавшей в прежние времена. Эпохи убожества подверглись мифологизации и порой их даже представляют как золотые времена сельской простоты. Это было не так.

Только в последние два столетия в Западной Европе, Канаде, Соединенных Штатах, Австралии, Японии и ряде других стран наступил редкий в истории период, когда прогресс и процветание затронули жизнь не только привилегированных десяти процентов населения, но и многих других людей. Для краткости и простоты мы пожертвуем географической точностью и будем относить все эти страны к Западу. В Англии, в Соединенных Штатах и в ряде мест Западной Европы уже в начале XIX века (а позднее и в других странах Запада) стало заметно, что необычно большая часть населения стала питаться лучше, живет в более здоровых и безопасных условиях, чем это было в древности на Среднем Востоке, в Индии, Китае, в римской и исламской цивилизациях – словом, лучше, чем когда бы то ни было в человеческой истории.

Сдвиг от бедности к богатству в социальном смысле означает улучшение материального благополучия. Это изменение не находит адекватного выражения в статистике валового национального продукта, национального дохода или в изменениях реальной заработной платы. Конечной опасностью для человека всегда была смерть, и сдвиг от бедности к богатству в первую очередь означает отдаление опасности смерти. Первыми показателями этого являются статистика ожидаемой продолжительности жизни, уровня смертности, в том числе детской смертности. Следом в списке идут голод и голодная смерть; сдвиг от бедности к богатству – это уменьшение опасности голода и голодной смерти, что фиксируется статистикой как сокращение заболеваемости из-за недостаточного питания. К числу древнейших бедствий относится также чума, которую можно рассматривать как символ всех губительных болезней; исчезновение таких болезней есть еще одно свидетельство сдвига от бедности к богатству. Нищета обычно ассоциируется с неграмотностью, предрассудками, невежеством и прикрепленностью к месту. Рост богатства – это и распространение грамотности, образования, и увеличивающееся разнообразие жизненных впечатлений. Бедность означает, что главной задачей людей является забота о выживании, что из-за перенаселенности жилищ уединение почти недоступно, что возможности выбора резко ограничены. Сдвиг к богатству сопровождается расширением возможностей индивидуального выбора и частной жизни.

По ряду причин простая статистика не может отразить сдвига от бедности к богатству. Для учета множества производимых продуктов и услуг даже в простой экономике статистика должна оперировать стоимостными величинами, выраженными в деньгах. Деньги являются общим измерителем производимого в хозяйстве, они не отражают различия в составе производства. Поэтому статистические показатели будут одинаковыми для хозяйственной системы, в которой производится все большее количество одних и тех же продуктов и услуг, и для такой системы, в которой происходит экономический рост, сопровождаемый изменением стиля жизни всего общества, с заметным изменением состава производимых и потребляемых продуктов и услуг.

Уже в самом начале экономической экспансии происходили изменения в том, что люди потребляют, в работе, которую они исполняют, и в общем стиле жизни. Первоначальные изменения на Западе были поразительно малы – добавление небольшого количества овощей и мяса к среднему рациону питания, переход от деревянной обуви к кожаной, и общие статистические показатели могли бы лишь символически указать направление изменений. Но по мере экономического развития Запада жизнь людей совершенно изменялась. Подростки перестали трудиться и пошли в школу; на смену труду в феодальном поместье или на ферме пришел городской труд – на фабрике или в качестве свободного специалиста. Деревенскую хижину сменил городской дом или квартира. Никакие суммарные статистические показатели не могут отразить результаты сдвига от сельской экономики к городской, не могут дать представления о революционном изменении образа жизни, ставшем результатом возникновения железных дорог в XIX веке или автомобилей в XX веке. Говоря об отдельном человеке, различие между богатым и бедным можно, видимо, выразить в деньгах, но, когда речь идет об обществе в целом, богатство означает не только большую величину национального дохода на душу населения, но и совершенно другой образ жизни членов этого общества.

Одна из трудноразрешимых статистических проблем – следствие того факта, что труд по дому никогда не оценивался в деньгах, если речь не шла о выработке продуктов на продажу (как на ферме). Так что, когда женщины оставили работу по дому ради оплачиваемого труда по найму, современная статистика учла их заработную плату как прирост валового национального продукта (ВНП), несмотря на то что некоторые видят в этом скорее снижение качества жизни. Есть и еще одна трудность с обобщающими статистическими показателями: некоторые блага и услуги оцениваются в деньгах по их рыночной цене, а другие получают оценку в результате решений администрации или в ходе налоговых изъятий. Нет оснований предполагать, что два способа оценки дают одинаковые результаты.

Заслуживает хотя бы беглого рассмотрения и соотношение между приростом богатства и унаследованным богатством. В декабре каждого года примерно 95 % производства может быть отнесено к той части экономики, которая уже существовала и действовала в начале этого же года, и не более 5 % составляет прирост этого же года. Но в долгосрочной перспективе относительные роли вновь создаваемого и унаследованного богатства меняются местами. В 1985 году в США более 85 % объема производства на душу населения (с учетом изменения уровня цен) представляли собой результаты роста после 1885 года.

Эти цифры, конечно, неточно отражают изменения материального благосостояния граждан. Но образ жизни в 1985 году был явно лучшим, чем прежде, и, если не считать самых богатых, качественные изменения были столь же внушительны, как и количественные.

Вполне возможно, что переход общества от бедности к богатству не сопровождался ростом самоудовлетворенности граждан; собственно, вообще сомнительно, что самоудовлетворенные люди смогли бы осуществить переход от бедности к богатству. Не исключено, что труднее обузывать психологическое беспокойство физически здоровых людей, чем натиск людей, ошеломленных голодом. И хотя достигший благосостояния народ должен быть готов к необходимости поддерживать обширную систему помощи психически больным и заранее примириться с социальным разладом, нарастающим вместе с расширением возможностей индивидуального выбора, по-прежнему остается вопрос, как может быть осуществлен такой переход. В конце концов, при всех видах социальных изменений с устранением старого набора проблем появляются новые, и вряд ли следует винить людей за то, что они предпочитают проблемы, порождаемые богатством, тем, которые возникают из условий бедности.

История перехода от бедности к богатству настолько изобилует множеством загадок, сюрпризов, разоблачений, триумфов и трагедий, что представляет интерес и сама по себе. Кроме того, лучшее понимание обстоятельств, сопутствовавших экономическому подъему Запада, может быть полезно для тех, кого интересуют вопросы общественной политики, проблемы

сравнительных преимуществ множества западных экономических институтов, будущее западных обществ, а также для большинства тех, кто чувствует свою ответственность за передачу следующему поколению, по крайней мере, таких же возможностей улучшения условий своего существования, какими располагало нынешнее поколение.

Постепенность роста богатства на западе

Приступая к попытке объяснить экономический подъем Запада, следует начать с самого загадочного его аспекта – с его постепенности.

Развитые страны Запада завершили бегство от бедности к относительному богатству в XIX–XX веках. Не было резких скачков в объемах производства – только постепенный ежегодный рост, чуть обгонявший темпы увеличения численности населения, рост того же рода, который впервые начался в Англии и Голландии. Даже Япония, успехи которой в освоении достижений западной промышленности стали легендарными, пришла к успеху через небольшие порции ежегодного прироста. Всем этим странам потребовалось много времени для умножения как численности населения, так и объемов производства на душу населения.

С учетом роста населения ежегодный (и даже десятилетний) прирост богатства был настолько малозаметен, что широко распространилось убеждение, будто плоды роста достаются только богатым. Только в XX веке по мере накопления богатств на Западе становится заметно, что рост принес выгоду многим. Стало очевидным, что рабочий класс Запада движется ко все большему процветанию, что средний класс процветает и становится более многочисленным относительно населения в целом. Нет, бедность исчезла не совсем. Запад достиг не устранения бедности, но только лишь ее относительного сокращения от 90 % населения до 30–20 % или еще менее – в зависимости от страны и используемого определения того, что такое бедность (а черта бедности все время сдвигалась вслед за увеличением богатства общества). В XX веке в результате непрерывного экономического роста Запада возник громадный разрыв между его нынешним богатством и прежней бедностью, которая до сих пор является уделом большинства живущих.

Можно выделить основные инновации – в технологии, в экономической и политической жизни, которые сделали возможным этот рост. Но при всей внушительности отдельных достижений главным статистическим фактом остается постепенность роста. Эта постепенность частично объясняется тем, что когда крупнейшие изобретения внедрялись одновременно и в одном месте, как это было во времена промышленной революции, они непосредственно воздействовали только на часть экономики и требовались десятилетия для полного проявления их воздействия. Другой причиной является то, что множество мелких усовершенствований в знании оказывало кумулятивное воздействие на экономический рост и в соответствии с законом больших чисел это кумулятивное воздействие распределялось во времени более или менее равномерно. Не было такого дня, когда бы даже самый проницательный телевизионный комментатор или редактор газеты мог заявить об экономическом достижении, «спасающем Запад от бедности». Было много важнейших экономических и технологических достижений, но ни одно из них не осталось в истории как источник мгновенного и заметного увеличения темпов развития, отличимого от краткосрочных пиков и спадов, порождаемых войнами, неурожаями, финансовыми крахами и циклами деловой активности. Объяснение столь устойчивого и длительного роста должно основываться на институциональных механизмах, глубоко встроенных в саму структуру западной системы хозяйства, осуществляющих непрерывный поиск и адаптацию изменений, благоприятных для дальнейшего роста. Ключевым является слово «глубоко», поскольку механизм настолько скрыт, что многие наблюдатели считали просто невозможным продолжение роста после столь долгого расширения производства и умножения населения. В последние сто лет темп годового роста производства обычно оценивается величиной в 3 %, и в большинстве видов человеческой деятельности такого рода геометрическая прогрессия, где каждый последующий член в 1,03 раза больше предыдущего, обычно наталкивается на непреодолимые препятствия и увядает гораздо раньше двухсот повторений. Уже в конце XVIII века Томас Роберт Мальтус доказывал, что экспоненциальный рост населения очень скоро натолк-

нется на непреодолимые препятствия в виде нехватки продуктов питания¹. Столетие спустя население Британии учетверилось, а жизненный уровень его был много выше, чем во времена Мальтуса. Понятно, что если Мальтус, писавший почти 200 лет назад, не мог предвидеть непрерывного роста производства продуктов питания, то и современные нам неомальтузианские движения, которые озабочены гораздо более широким списком ресурсов, чем Мальтус, не способны увидеть возможности для продолжения роста Запада.

После Первой мировой войны прославился предсказанием заката Запада Освальд Шпенглер². Во времена Шпенглера ни один разумный пророк не смог бы предвидеть, что в последующие пятьдесят лет население США почти удвоится, а величина ВВП на душу населения (в постоянных долларах) увеличится более чем в 2,5 раза. Дело не в том, что Шпенглер просто ошибся в сроках неизбежного прекращения геометрического роста. Гораздо важнее, что такой талантливый и проницательный мыслитель, как Шпенглер, не только неверно понял и недооценил силы, стоящие за экономическим ростом Запада, но также неверно понял и переоценил силы, разлагающие и разрушающие источники роста. И далеко не один он.

Мы обнаружим, что Запад создал могущественную систему экономического роста такого типа, что она способна порождать развитие и десятилетиями обеспечивать рост материального благосостояния уже после того, как приводивший ее в движение дух полностью выгорел. Сама инерционность такого рода систем делает их очень обманчивыми. Люди, работающие в рамках этой системы, приводящие ее в движение, могут продолжать делать то, что они делали всегда, уже после того, как исчезнут все стимулы для созидательного труда, и систему будут поддерживать только привычка и отсутствие лучших альтернатив для ее людей. Такого рода система может прекращать действовать настолько медленно, а разрыв во времени между появлением причин упадка и их действием может оказаться столь большим, что к моменту, когда вырождение становится явным, ход событий может оказаться необратимым. Социальные системы могут продолжать экспансию еще долго после наступления событий, делающих неизбежным их разрушение. Главным историческим примером по-прежнему является судьба Римской политической империи, а не западной экономической империи: первая продолжала экспансию более ста лет после событий, сделавших неизбежной ее дезинтеграцию.

Когда мы пытаемся оценивать возможные объяснения западного экономического роста, важно помнить об этом большом и неопределенном временном разрыве между возникновением причин и их воздействием. Многие западные институты, способные помочь в объяснении динамики западной экономики, были существенно изменены политическими и социальными событиями второй половины XX века. Несмотря на эти изменения, экономический рост Запада продолжался, и можно даже доказывать, что не было долгосрочного сокращения темпов роста. Нужна осторожность, когда ссылаешься на эти институты для объяснения роста Запада, но нет оснований вовсе не учитывать их роль. Может быть, результаты сравнительно недавних институциональных изменений еще не проявились в полной мере, а может быть, без этих изменений темпы роста были бы выше. К сожалению, решающие эксперименты невозможны, и выводы экономической истории грешат неопределенностью. Невозможно распутать все загадки, создаваемые одновременным воздействием множества причин и способностью людей и их институтов приспосабливаться к изменениям так, что делаются неразличимыми их воздействия; возможно, и даже очень вероятно, что в разные периоды действовали разные причины роста Запада, и последствия некоторых изменений выходят на поверхность, когда о причине все давно и забыли.

¹ Thomas Robert Malthus, *An Essay on Population*, 2 vols (London: H. M. Dent and Co., 1914). Первая публикация 1798.

² Thomas Robert Malthus, *An Essay on Population*, 2 vols (London: H. M. Dent and Co., 1914). Первая публикация 1798.

Некоторые предварительные объяснения

В последние полтора столетия причины подъема Запада от бедности к богатству интенсивно изучались. Есть смысл в кратком предварительном обзоре как сильных, так и слабых сторон наиболее распространенных объяснений.

1. Науки и изобретения

Самые популярные объяснения западного процветания выделяют роль наук и изобретений. Но если науки и изобретения являются достаточными причинами богатства народов, то почему не совершили переход к богатству Китай и исламские народы, которые лидировали в этих областях в период, когда Запад выходил из феодализма и входил в современность? Другая трудность с этими объяснениями в том, что науки и изобретения – это формы знания, которые, как можно полагать, легко перенести из одного общества в другое с помощью лекций и книг. Однако странам третьего мира освоение наук далось гораздо легче, чем разгадка тайн экономического роста Запада. Мы не склонны отрицать важность технологии, но очевидно, что это не единственное объяснение роста Запада.

2. Природные ресурсы

Другое популярное объяснение богатства народов – это наличие природных ресурсов или благоприятные условия доступа к ним. Карл Маркс, например, отчасти приписывал новое богатство Запада начатым в XVI веке империалистическим завоеваниям. В конце XIX века империалисты Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии и Голландии сходным образом провозглашали важность владения природными ресурсами. А в наши дни многие из публикаций о пределах роста соединяют более изощренную концепцию природных ресурсов с верой в простоту связи между владением природными ресурсами и экономическим ростом.

Но процветание Нидерландов и Швейцарии уже давно подрывало репутацию этого объяснения. Окончательно подорвали ее феноменальный рост и процветание Японии. После Второй мировой войны другие страны Запада, обладавшие ограниченными ресурсами и теперь уже не имевшие колоний, продолжали богатеть, тогда как некоторые страны третьего мира с огромнейшими природными ресурсами по-прежнему прозябают в нищете. Короче говоря, это объяснение не соответствует фактам.

Наконец, экономическими ресурсами общества являются не природные ресурсы как таковые, но внутренние для каждого общества отношения между его природными ресурсами и организационными и технологическими умениями добыть или использовать их ради процветания своих граждан. Ресурсы, важные для экономического богатства, не вполне материальны; они представляют собой тонкую комбинацию наличных в природе веществ, знаний, социальной организации и усилий людей, нужных, чтобы с помощью этих веществ удовлетворить человеческие нужды. Для американских индейцев, например, нефть, уголь, железная руда, леса и пахотные земли Северной Америки не представляли экономических ресурсов, в отличие от стад бизонов, которые являлись первостепенным ресурсом. Экономические ресурсы Запада – это его богатство; проблема в том, чтобы объяснить, как Запад создал организационные и технологические умения, необходимые для производства и эксплуатации этого богатства.

3. Психологические объяснения

Еще более настойчиво Маркс приписывал экономический рост Запада движущим силам конкурентной экономики, которая вынуждала капиталистов к бешеной гонке за еще большими объемами продаж и еще большими прибылями, создавая тем самым то, что уже в его времена было «двигателем капиталистической экономики». Он рассматривал западные технологии не как отдельный источник роста, но как порождение этого стремления к личному богатству. Однако для Маркса поведение капиталистов было не столько независимым психологическим явлением, сколько реакцией на специфическое давление капиталистических институтов. Для Маркса экономический рост капитализма был не просто уступкой, которую он готов был сделать для целей аргументации, но центральным моментом его теории о неизбежности революции. С его точки зрения, капиталистический рост экономики, создавая условия для улучшения жизни рабочих, делает неизбежным то, что для овладения этими возможностями рабочие революционным путем захватят средства производства. Эта теория сегодня кажется неправдоподобной, потому что выяснилось, что захват средств производства не является необходимым условием получения рабочими выгод от экономического роста. Для Маркса существенной была его вера в то, что капитализм не способен преобразовать высокий потенциал роста в повышение уровня жизни рабочих.

Экономический рост вряд ли возможен, пока те, кто способен осуществлять его, не имеют стимулов делать свое дело, и Маркс был, конечно же, прав, когда подчеркивал стимулирующее значение прибылей и убытков. Но спустя столетие после его смерти, когда мы могли наблюдать за усилиями третьего мира добиться роста, стало очевидно, что нужно нечто большее, чем стимулы. Стимулы не помогут обществу сделать что-либо, чего оно не умеет делать. Важны также знания и институциональная структура, которая создает возможности для увеличения знания и место для действия системы стимулов.

Крайняя трудность выявления источников западного экономического роста способствовала появлению почти безумных психологических объяснений. Довольно популярной была идея, что упадок феодализма явился результатом психологической мутации и рыночные институты возникли из нового капиталистического настроения или вследствие того, что страсть к приобретательству стала сильнее, чем в Китае, Индии или в странах ислама. Это утверждали Вернер Зомбарт³ и другие. Дело не столько в преследовании собственных интересов, которые столь явно изменяются в ходе истории, но в возможностях достичь вознаграждения и на путях, которые открыты для этого. Макс Вебер поставил под сомнение значимость того, что он называл «экономический импульс»: «Представление, согласно которому наша рационалистическая и капиталистическая эпоха отличается от других времен большей напряженностью экономического интереса, есть представление наивное; современные капиталисты отличаются страстью к стяжательству не в большей степени, чем, например, восточные купцы. Само по себе разнуждывание экономического интереса способно породить лишь иррациональные результаты; такие люди, как Кортес и Писарро, в которых, пожалуй, сильнее всего воплотились эти стремления, не имели ни малейшего представления о рационализации экономической жизни. Если жажда приобретения универсальна, то интересен вопрос, при каких условиях она делается разумной и упорядоченной, так что в результате возникают рациональные институты вроде капиталистического предприятия»⁴.

³ Weruer Sombart, *Der modems Kapitalismus*, 2nd ed. (Munchen: Duncker and Humblot, 1916).

⁴ Max Weber, *General Economic History* (New York: First Collier Books Ed., 1961), p. 26).

4. Удача

В истории западной экономики известны три, а может и четыре группы событий, которые вполне могут быть названы революциями. В XV веке начинается экспансия ремесла и торговли, которая может быть названа меркантилистской революцией. Спустя три столетия, в XVIII веке, произошла промышленная революция. В конце XIX – начале XX века внедрение электричества и двигателей внутреннего сгорания привело ко второй промышленной революции. В наши дни развитие электронной памяти и вычислительных мощностей, воплотившихся в системах коммуникаций и в компьютерах, ведут или уже привели к информационной революции.

Можно объяснить богатство Запада как следствие чрезвычайного везения: четыре благодетельных революции за пять столетий. Точно так же можно объяснить распад феодального общества крайним невезением: слишком много чумных эпидемий, войн и неурожаев было в XIV столетии. Но если молния четырежды ударяет в одно и то же место, уместно поинтересоваться, что же здесь так устойчиво ее привлекает.

В каком-то смысле удачливость – вполне разумное объяснение, поскольку мы не знаем ни о каком мудреце, который бы изобрел экономические институты Запада. Они – продукт истории, незапланированный результат действий, предпринятых для достижения совсем иных целей. Они были уже вполне развиты к тому времени, когда Адам Смит начал их исследовать. Мы и до сих пор не вполне их понимаем. Богатство Запада есть результат удачи в том же смысле, в каком можно объяснить счастливой случайностью результаты биологической эволюции, но при этом есть смысл изучать эти процессы, их результаты и взаимосвязи между ними.

5. Дурное поведение

В политической литературе получила развитие и другая группа объяснений. Экономическое богатство Запада приписывалось различным формам дурного поведения, которое было предосудительным если не по критериям своего времени, то уж наверняка по современным критериям. В вину Западу чаще всего ставили: рост неравенства доходов и богатства, эксплуатацию рабочих, колониализм, империализм и рабство. Эти объяснения были очень полезны, поскольку поощряли национальную и международную благотворительность, сбивали западную спесь и служили аргументами в пользу социального законодательства. Но лучше не говорить об их адекватности в объяснении экономического роста Запада.

6. Неравенство доходов и богатства

Очень популярно представление, что неравенство доходов и богатства несправедливо, но необходимо для экономической системы Запада. Некоторые критики неравенства утверждают, что доход и богатство создаются всем обществом, и оно же должно распределять их среди своих членов равномерно, так что неравенство, создаваемое деятельностью капиталистических рынков, само по себе несправедливо. Другие допускают неравенство в меру различий экономического и социального вклада отдельных людей или семей, но утверждают, что существующее на деле неравенство не имеет оправданий. В любом случае можно утверждать, что неравенство само по себе не является достаточным объяснением экономического роста. Неравенство доходов и богатства имело место в ранних западных обществах и во многих незападных, но при этом не вело к сравнимому росту экономического благосостояния. На деле во многих странах третьего мира уровень неравенства существенно выше, чем в современных США.

Хотя ясно, что неравенство доходов и богатства не является достаточным условием экономического роста, есть основания считать его необходимым условием. Причина проста.

Богатство может быть социальным продуктом, достаемым по наследству, но предельные вклады отдельных людей и народов в его производство сверх и помимо унаследованного очень различны. Вознаграждения или наказания могут стимулировать или подавлять эти предельные вклады. Общество, желающее с помощью наград и наказаний поощрять производство, должно более благожелательно относиться к тем людям, которые вносят в производство больше своей доли в социальном наследстве. Против вывода, что возникающее в результате неравенство абсолютно необходимо для экономического роста, можно возразить только указанием на то, что, наверное, можно побудить людей к созидательной богатство деятельности без столь больших наград и сильных наказаний. На данный момент эта возможность чисто гадательная, потому что ни одно из развитых обществ не обходилось без системы наград и поощрений, хотя многие опирались больше на наказания и меньше – на награды, чем Запад.

Насколько несправедливо неравенство, создаваемое работой капиталистических рынков, и в какой степени его можно смягчить, не совершая иных несправедливостей, – очень запутанные и противоречивые вопросы. И трудности только частично объяснимы тем, что очень высокие доходы и богатство, так же как и крайние формы нищеты, имеют множество причин, и устранение этих причин потребовало бы политических решений, в том числе не очень приемлемых.

Более существенна та трудность, что профессии, необходимые для упорядоченного функционирования современного общества, требуют очень разнообразных талантов и навыков и сильно различаются по предоставляемым условиям работы, социальному и культурному статусу, риску безработицы и других форм возможных убытков, по способности давать удовлетворение от выполнения интересных, ценных или возвышенных задач. Капиталистические рынки используют различие в уровне денежных доходов для уравнивания числа людей, привлекаемых к каждой профессии (предложение труда), с числом рабочих мест, наличных в каждой профессии (спрос на труд). Уровень заработной платы, уравнивающий спрос и предложение рабочей силы, не имеет отношения к ценности отдельных людей, а только свидетельствует о том, сколько можно заработать на данном месте. Уровень оплаты важен лишь для отдельного человека, принимающего решение о месте работы или выборе профессии. При отсутствии различий в уровне оплаты труда пришлось бы использовать какие-нибудь формы принудительного труда, чтобы избежать сверхпредложения работников в привлекательных профессиях и их недостатка в менее привлекательных. Таким образом, неравенство является альтернативой системе принудительного труда.

При всех своих недостатках капиталистические рынки исторически возникли в результате развития средневековых рынков, где цены устанавливались с оглядкой на идею справедливости – как ее воспринимали те, кто назначал цены. Можно спорить о том, в какой степени переход от систематической несправедливости установленных законом цен к ценам спроса и предложения сделал общество более справедливым, но бесспорно, что в результате оно стало более свободным и зажиточным. Новые рынки обладали большей экономической эффективностью, и их рост сопровождался расширением торговли и производства. Они служат примером вечного конфликта между справедливостью и производительностью: рынки оценивают только результат деятельности и пренебрегают относительной человеческой ценностью работников, но экономическая эффективность новых рынков привела к уменьшению бедности, которая сама по себе является глубочайшей несправедливостью.

7. Эксплуатация

Согласно словарям, эксплуатация – характеристика любой экономической деятельности, поскольку можно говорить, что человек эксплуатирует собственные возможности. Марксисты используют этот термин как бранное слово для описания процесса, в результате которого капи-

талисты присваивают часть создаваемого трудом продукта – его «прибавочную стоимость». Вопрос в том, может ли эксплуатация, даже в этом особом значении, служить адекватным объяснением западного роста. Представляется, что таким образом можно объяснить только рост капитала и дохода капиталистов. Однако эта концепция не помогает объяснить увеличение доходов рабочих, а ведь именно здесь и произошел самый заметный рост.

Но даже относительно капитала эксплуатация лучше объясняет его накопление, чем открытие возможностей для инвестирования. Для экономического роста нужны как капитал, так и возможности его прибыльного использования, и после опыта 1930-х годов мало кто из экономистов верит, что возможности вложения автоматически возникают при накоплении капитала. Маркс доказывал, что накопление побуждает капиталистов создавать новые отрасли и развивать заморские рынки ради приложения накопленного капитала, но наличие стимулов еще не гарантирует результатов. Последние исследования значения технологических и социальных изменений и расширения торговли для создания инвестиционных возможностей свидетельствуют, что возможна и обратная причинно-следственная связь: существование инвестиционных возможностей может побуждать к накоплению капитала. Это особенно верно для первых стадий промышленной революции, когда строители первых фабрик отреагировали на воспринятую ими потребность в совершенствовании текстильного производства: при этом ничто не свидетельствует о том, что желание использовать избыточный накопленный капитал, если он существовал в допромышленной Англии, играет существенную роль в их усилиях. Если бы целью первых фабрикантов было накопление капитала, то первые фабрики означали бы их полный провал, потому что требовали относительно малых – по сравнению с сельским хозяйством, мореплаванием или торговлей – вложений.

Для темы эксплуатации особенно важны инвестиционные ситуации, в которых можно нанимать рабочих по более дешевым, чем у конкурентов, ценам. Такого рода ситуации сыграли важную роль в экономическом развитии стран третьего мира, но есть и более старые примеры. В период промышленной революции в Англии были часты жалобы на то, что фабричным рабочим платят существенно меньше, чем гильдейским мастерам; точно так же развитию текстильной и обувной промышленности на американском Юге способствовала относительная дешевизна труда по сравнению с его стоимостью в Новой Англии. Легко представить себе, что Маркс оценил бы такое развитие как прямую эксплуатацию, и рабочие, которые привыкли к прежней, более высокой оплате труда, с ним согласились бы. С другой стороны, для тех стран или регионов, главный экономический ресурс которых – избыток дешевой рабочей силы, обеспечение занятости на наилучших возможных условиях является не только разумным путем экономического развития, но и нравственным императивом.

Другой вопрос, является ли снижение заработной платы системным признаком капитализма или это простое использование благоприятных возможностей. Низкий уровень заработной платы стимулирует развитие трудоемких производств и, благодаря этому, сокращает потребности в накоплении капитала. Поэтому корпорация, заменяя старый завод в Чикаго новым в Корее, может действительно сократить свои потребности в капитале. Но на деле капиталистическая промышленность развивала главным образом капиталоемкие производства. Если бы капитализм тяготел к системе низкой заработной платы, следовало бы ожидать, что капиталисты сохраняли бы трудоемкие производства и расходовали сэкономленные таким образом деньги на личные нужды. Более того, здесь важна и международная перспектива. Открытие нового завода в Корее ведет к росту заработной платы в Корее.

На Западе реальный уровень заработной платы растет уже более столетия. Вряд ли можно объяснить этот рост с помощью эксплуатации. Можно даже предположить, что долговременное возрастание заработной платы снимает вопрос об эксплуатации, поскольку даже Маркс не пытался утверждать, что расширение производства (делающее рост возможным) может быть приписано исключительно пролетариату.

8. Колониализм и империализм

Некоторые объяснения привлекают внимание к отношениям Запада с экономически менее развитыми странами. Марксисты описывают эти отношения как империалистические, хотя значение этого термина размыто разнообразными толкованиями Маркса, Ленина, послевоенных теоретиков, а также более чем столетним развитием капиталистических и докапиталистических стран. Существуют серьезные разногласия по вопросу о том, является ли капитализм источником прогресса или препятствием для развития докапиталистических стран.

Чуть более нейтральным для описания отношений между капиталистическими и докапиталистическими народами является термин «колониализм». В смысле постоянной колонизации переселенцами из метрополии колониализм – это очень давняя практика, и результаты ее зачастую более благотворны, чем у иного типа колониализма, который ведет к установлению иностранного владычества над многочисленным местным населением, как это сделали британцы в Индии и великороссы на подчиненных им территориях. Смесь этих двух практик, когда колонисты из метрополии становятся значимым меньшинством, которое в культурной и экономической жизни господствует над потомками покоренного местного населения, является политически взрывоопасной, как свидетельствует история войн в Алжире, Кении, Родезии и в Южной Африке. К этому списку можно добавить даже Ирландию.

Западные люди начали колонизацию обеих Америк в XVI веке. Хотя большей частью это была колонизация в первом смысле слова, все же она не представляла собой заселения пустующих земель – ведь существовали весьма развитые культуры ацтеков и инков в Мексике и Перу. Вторым вариантом колониализма было установление политического господства Запада над более тесно населенными и политически интегрированными районами Индии, Африки и Юго-Восточной Азии. В последние десятилетия XIX века этот процесс получил такое развитие, что вновь созданная Германская империя даже жаловалась на отсутствие возможностей для колониальных предприятий.

Поскольку колониализм стал ассоциироваться с чем-то постыдным, стоит припомнить, что в Средиземноморье благодаря греческой колонизации и колониальным предприятиям Запада возникали колонии, свидетельствовавшие о несомненном успехе как с точки зрения нового поселения, так и с точки зрения метрополии. Колониализм разбросал семена быстрого роста в Южной и Северной Америке – внушительное достижение. Но даже в Америках колониальный опыт и достижения Испании, Португалии, Англии, Франции и Дании очень различны. Испания и Португалия стали крупными колониальными державами, но ни у себя дома, ни в своих колониях не создали развитых капиталистических хозяйств. Их самые ценные колонии располагались в Латинской Америке, и они были утрачены в ходе войн за независимость, когда еще сами колониальные державы не вышли из докапиталистической стадии развития.

Самым поразительным достижением британского колониализма было создание фундамента для развития ряда богатейших стран мира: Соединенных Штатов, Новой Зеландии, Канады, Австралии, Гонконга и Сингапура. Экономическое процветание колоний пошло на пользу и самой Британии, поскольку контролируемая и неравная торговля с экономически отсталой колонией гораздо менее выгодна для развитой страны, чем торговля с другой развитой страной. Франция создала и утратила большую колониальную империю, которая запомнилась кровавым крахом господства в Индокитае и почти столь же насильственным освобождением Алжира – самой успешной из французских колоний. Глядя в прошлое, нет оснований считать, что колониальные предприятия положительно сказались на экономическом росте Франции.

Утверждение, что экономическое процветание Запада имеет причиной империализм, основывается на том, что колонии представляли собой рынок сбыта товаров, производимых в развитых странах. Но этот аргумент относится главным образом к отдельным фирмам, участ-

вовавшим в колониальной торговле. Во-первых, бедные и неразвитые страны, как правило, не располагают достаточно емкими рынками, так что возможности для эксплуатации здесь невелики. Достаточно большие рынки, которые могут служить базой для расширения производства в развитой стране, – это, почти по определению, рынки достаточно развитых стран, хотя это могут быть и непромышленные страны. Во-вторых, самый большой выигрыш от торговли с неиндустриализованными странами принесла торговля, не подчиненная империалистическому политическому контролю. Такая торговля развилась в результате создания заморских источников продуктов питания как в колониальных, так и в политически независимых странах Северной и Южной Америки, Австралии и Африки. В последние полтора столетия эта торговля была большим благом для растущего населения Западной Европы не в силу эксплуатации, но потому, что рост производства сдерживал мировые цены на продукты питания.

Утверждение, что империализм есть адекватное объяснение экономических успехов Запада, сомнительно, прежде всего, потому, что периоды экономического роста западных стран и периоды их империалистической экспансии просто не совпадают. Империалистические Испания и Португалия не знали длительных периодов роста; Швейцария и скандинавские страны, достигшие значительных успехов в экономике, никогда не были империалистическими; Германия и Соединенные Штаты, являющиеся высокоразвитыми странами, очень поздно приняли участие в империалистических захватах. Британия и Голландия знали экономический подъем, но они были сильными еще до начала империалистической экспансии и продолжили рост после распада империй. История XVIII–XIX веков подсказывает, что в большинстве случаев экономический подъем был причиной, а не результатом империалистической политики: вновь обретенное экономическое могущество подталкивало к осуществлению безответственных заморских политических авантюр. Это, конечно, малое утешение для бывших колоний – сознать, что их покорили безо всякой корысти.

9. Рабство

Некоторые подчеркивают роль рабства в экономическом росте Запада. Рабов крайне редко использовали в западной промышленности, если вообще использовали. Похоже, что от этого воздерживались не по моральным причинам; рабство – давний и широко распространенный институт, и в период Промышленной революции оно было широко распространено в английских колониях, хотя и не в самой Англии. В Соединенных Штатах, если доверять рабовладельцам южных штатов и современным исследователям истории экономики, рабов не использовали в промышленности потому, что свободный труд был дешевле.

Поскольку рабов не использовали в промышленности, вклад рабства в развитие Запада должен быть ограничен только доходами от работорговли и от производства сырья для западной обрабатывающей промышленности с помощью рабского труда. Прибыли от работорговли были невелики по сравнению с другими источниками капитала. Типичными примерами использования рабов для получения промышленного сырья являются текстильная промышленность Британии и хлопковые плантации на юге США. В последние десятилетия перед гражданской войной Англия удовлетворяла быстро растущий спрос на хлопок за счет импорта с американского Юга. Ясно, что увеличение импорта хлопка было следствием, а не причиной промышленной революции в Британии. Экономический вклад института рабства в рост хлопчатобумажной промышленности определяется величиной средств, сэкономленных промышленниками на импорте выращенного рабами хлопка. В предположении, что хлопок, произведенный свободным трудом на Юге, в Египте или в Индии, был бы более дорогим, более высокие издержки привели бы к росту цен и к сокращению объема продаж хлопка и изделий из текстиля, поощряя производство хлопка в Египте, Индии и Бразилии, сокращая ценность хлопковых плантаций южных штатов и несколько ослабляя стимулы технологического разви-

тия в британской текстильной промышленности. Конечным результатом отказа Британии от импорта выращенного рабами хлопка стало бы незначительное замедление темпов роста текстильной промышленности в период до 1861 года.

Труд рабов использовали и в Вест-Индии при производстве сахара. Но сахар производился для потребления, а не как сырье для европейской промышленности.

Западная Европа познакомилась с институтом рабства в результате колонизации. Европейские страны, не знавшие политики колониализма, не знали и рабства. Напротив, Испания и Португалия были лидерами в политике колонизации и широко использовали в своих колониях труд рабов. И обе страны сильно отстали в развитии современной экономики. Как и империализм, рабство не может служить объяснением экономического роста, поскольку отсутствует связь между использованием рабского труда и экономическим ростом.

Стоит еще раз подчеркнуть, что нас здесь интересует возможность объяснить экономический рост Запада политикой колониализма и применением труда рабов. Вопрос о том, был бы экономический рост бывших колоний более быстрым, если бы они не были колонизованы, — это совсем другой вопрос, и ответ на него для разных колоний будет различным.

Приемлемость объяснения нередко зависит от причин, вызывающих потребность в объяснении. Некоторых, если они захотят узнать, как Джеймс Хилл построил большую северную железную дорогу, удовлетворит ответ: «Воровски». Но такой ответ никак не удовлетворит тех, кого интересуют вопросы финансирования и строительства железных дорог. Точно так же для некоторых целей достаточным объяснением того, как Запад стал богатым, было бы: «За счет выжимания пота из бедняков, притеснения и порабощения слабых». Но если кто-то, не являющийся гражданином Запада, хочет понять механизмы его экономического роста, чтобы помочь экономическому процветанию собственной страны, или если гражданин Запада хочет понять это, чтобы обеспечить и на будущее возможности роста, им потребуются другие объяснения. В конце концов и за пределами Запада люди были знакомы с эксплуатацией, так же как это было и на Западе в древности, и в Средние века, но там не было замечательного экономического процветания, свойственного современному Западу.

Историческое объяснение: западная система экономического роста

Где же искать объяснение?

Непосредственными источниками западного роста были инновации в торговле, технологии и организации, а также вовлечение в производство все больших количеств труда, капитала и природных ресурсов. Уже в середине XV века инновация – существенный фактор западного роста, а с середины XVIII века она стала всеобъемлющей и господствующей чертой хозяйственной жизни. Инновации охватывали торговлю, производство, сферу услуг, институты и организации. Неизбежные спутники широкого потока инноваций – неопределенность, постоянный поиск, исследования, финансовый риск, экспериментирование и открытия – настолько широко проникли в процесс расширения торговли и разработки природных богатств, что фактически стали еще одним фактором производства.

Наше время не является первым периодом прогресса западноевропейской экономики, хотя прежние периоды и не отличались таким размахом. Первой была эра Римской империи, когда Англия, Франция и Испания были римскими колониями. После V века, когда империя распалась и наступили темные века, в течение пяти столетий Запад переживал экономическую деградацию. После окончания эпохи темных веков наступил второй период экономического роста, начавшийся не позднее X века, для которого были характерны рост населения, сельскохозяйственное освоение пустующих земель, рост числа городов, существенное улучшение технологий в военном деле, архитектуре, транспорте и сельском хозяйстве. В северной Европе с X по XIV век рост носил преимущественно экстенсивный характер: растущее население вовлекало в сельскохозяйственный оборот все больше земель. Расширение, не сопровождающееся инновациями, в конце концов наталкивается на серьезные ограничения для роста производства в расчете на душу населения.

Не всегда легко различить рост, источником которого являются инновации, и рост, имеющий причиной накопление труда и капитала. Инновации зачастую требуют сопутствующего роста труда и капитала, и даже в самой консервативной экономике в долгосрочной перспективе осуществляются некоторые инновации. Различие отчасти основывается на том, какой тип роста доминирует. Отчасти же это вопрос причинности: предоставляют ли инновации возможности для прибыльного инвестирования, накопления капитала и других ресурсов, или наоборот, накопление капитала создает возможности для инвестирования.

В любом случае Запад все больше опирается на инновации, зависит от них. По мере расширения экономики стран Запада возрастал капитал, увеличивались расходы на образование, росло мастерство работников, населения. Но зачастую рост этих факторов производства происходил в ответ на инновацию, как постепенное создание условий ее реализации. Причинность не односторонняя, но все чаще инновации были причиной, а не следствием накопления капитала. Даже отстававший от экономического роста темп увеличения населения стал возможен только благодаря инновациям в технике сельскохозяйственного производства, а также в ряде других областей, в том числе в сфере здравоохранения – без чего была бы затруднена урбанизация.

За более чем двухсотлетний период экономического роста, связанного с инновациями, западную экономику столь основательно проанализировали и обследовали, что маловероятна возможность обнаружить какие-либо новые ее свойства, ответственные за процесс инноваций. Больше шансов на то, что некоторые элементы системы хозяйства, на которые регулярно ссылаются для объяснения цен, производства и распределения, выявятся как элементы системы роста: возможно, что такая их роль менее очевидна, поскольку их воздействие незначительно, теряется в потоке экономических событий и распространяется на столь значительные пери-

оды времени, что причинная связь становится неуловимой и спорной. Например, и фирмы, и рынки, так же как конкуренция, играли важную роль в процессе инноваций. Начнем с фирм.

К середине XIX века западные общества предоставили своим предприятиям некоторые права, которые можно рассматривать либо как наделение властью принимать определенные решения, которые в большинстве других обществ принимаются политическими или церковными властями, либо как предоставление свободы от многих обычных видов политического и религиозного контроля. Четыре такие права образуют основу экономического роста, основанного на инновациях. Во-первых, ослабили политические ограничения при предоставлении отдельным людям права создавать предприятия. Главным затруднением при образовании новых предприятий стал недостаток денег или таланта, или того и другого, но не отсутствие лицензии или церковного благословения. Во-вторых, предприятиям было предоставлено право приобретать блага и сохранять их для перепродажи без каких бы то ни было ограничений (или с минимальными ограничениями). В-третьих, предприятиям было дано право из соображений выгоды расширять или совершенно менять сферу деятельности, и опять-таки при минимальных ограничениях. Политические или религиозные ограничения касались лишь тех аспектов многочисленных экономических выборов, открытых для предприятия и относящихся к характеру производимых продуктов или услуг, способу производства и продаж, запрашиваемым ценам, соотношению между собственным производством и перепродажей закупленного на стороне, которые затрагивали интересы всего общества. Наконец, хотя предприятия должны были платить установленные налоги на прибыль и их активы, они были защищены от произвольных захватов или экспроприации со стороны власти.

В общем, предприятие стало центром принятия множества экономических решений, а убытки или прибыль от этих решений были признаны собственностью предприятия или, менее абстрактно, собственностью его владельцев. Фактически без предварительных размышлений и дискуссий Запад делегировал предприятиям права принимать решения, основные для процесса инноваций: какие идеи следует проверить, а какие можно просто отбросить. Ведь для экономической инновации важна не только идея, но и ее экспериментальная проверка в лаборатории, на фабрике или на рынке. Такие проверки стоят не дешево; они требуют ресурсов и компетентности (в производстве, в инженерной деятельности, в маркетинге) – особенно если изобретатель рассчитывает на прибыль. Эти ресурсы были у обычных фирм, описанных в учебниках по экономике, и именно они сделали фирму готовым центром для осуществления инноваций.

Становление рынков было важным моментом в процессе децентрализации экономических решений вообще и инновационных решений в частности. Рынки, сравнительно свободные от политического и религиозного контроля, стали институтами для разрешения конфликтов интересов между предприятиями, потребителями и работниками. Подобно тому как фирмы добавили к своей более привычной роли производителей роль центров инноваций, рынки добавили инновационные функции к своей традиционной роли в установлении цен и размещении ресурсов. Рынки определяли успешных инноваторов и размер их вознаграждения. Реакция рынков свидетельствовала об успехе или провале новшества. Порой случались обращения к правительствам с просьбой о финансировании неудачных изобретений – уже провалившихся или не имеющих шансов на рыночный успех, но такие призывы редко имели успех. Правительство приходило на помощь, только когда речь шла о вооружениях или других продуктах, представляющих государственный интерес, а также в случае исследований по проблемам общественного здравоохранения и продовольственного снабжения.

В процесс инноваций была вовлечена и конкуренция. Рыночные вознаграждения инноваторов зависели главным образом от их способности взимать высокую цену за уникальность продукта или услуги до тех пор, пока не появлялись конкурирующие или более высокого качества продукт или услуга. Иными словами, вознаграждение определялось тем, насколько дан-

ное изобретение опережало во времени своих имитаторов и последователей. Так было даже с патентами, продолжительность экономической жизни которых определялась только временем на разработку лучшей альтернативы. Поскольку предприятий было множество, и были открыты все возможности как для создания новых предприятий, так и для изменения профиля уже существовавших, конкуренция на рынке изобретений оказалась очень острой. Она обострялась в силу западной традиции предоставлять проигравшим самим распутываться с потерями, иногда очень значительными. Эта роль конкуренции в подстегивании изменений представляла собой заметный отход от традиционной ситуации, когда общества и их правители почти всегда сильно противостояли новшествам, если только те не обещали усиления власти и богатства самим правителям.

В первые века западного роста изобретатели-ремесленники и их предприятия опирались большей частью на собственные технологические разработки. До 1800 года западная наука развивалась почти независимо от промышленности. Ее участие в разработке промышленных технологий было редкостью еще в начале века, но постепенно делалось все более частым явлением. Создание к концу XIX – началу XX века исследовательских лабораторий в промышленности внесло систему в связь науки и промышленности и сильно облегчило Западу подпитку экономического роста с помощью умножающихся научных знаний.

Западные системы роста нуждались в социальном классе, способном воздействовать на инновации, имеющем мотивы или стимулы их осуществлять, обладающем идеями и способном противостоять могущественным социальным силам, враждебным изменениям, росту и инновациям. Поскольку инновации действуют против статус-кво, класс инноваторов должен действовать коллективно, так как он больше заинтересован в изменении, чем в сохранении статус-кво. Как бы ни были велики различия индивидуальных интересов внутри этого класса, все противоречия должны были регулярно разрешаться в пользу тех, кто заинтересован в изменениях.

Мы подчеркиваем роль инноваций в истории западного роста. Децентрализация решений о внедрении инноваций, при децентрализации ресурсов, необходимых для осуществления этих решений и для присвоения доходов (или убытков), возникающих в результате этих решений, заслуживает не меньшего внимания как объяснение потока изменений в хозяйственной жизни Запада. Децентрализация экономической власти развивалась одновременно с выделением экономики в автономный сектор общественной жизни, с распространением экспериментирования для решения технологических, организационных и маркетинговых задач и с огромным увеличением разнообразия форм организации экономической деятельности в странах Запада.

Нетрудно проследить развитие того, что составляет западную систему роста.

1. Автономизация экономической жизни и купцы

Устойчивый экономический рост начался на Западе с того, что хозяйственные отношения в значительной степени вышли из-под политического и религиозного контроля. Переход от высокоорганизованного, полностью интегрированного феодального общества времен позднего Средневековья к плюралистическому обществу Европы XVIII века стал возможен благодаря ослаблению политического и церковного контроля не только в сфере хозяйственной деятельности, но также в науке, искусстве, литературе, музыке и образовании.

Ослабление политического контроля над экономикой происходило в различных формах. Возрастал объем торговли по нерегулируемым ценам, в отличие от торговли по ценам, определенным политическими властями. Эта торговля и доходы от нее послужили становлению класса купцов, живших тем, что покупали и продавали, в отличие от тех, кто продавал только произведенное своими руками. Параллельно ослабевал контроль со стороны гильдий и правительства за процессом создания новых предприятий. Например, в Англии, где гильдии имели

право разрешать создание новых предприятий на территории своего города, наиболее предприимчивые индивидуумы избегали контроля гильдии, создавая новые предприятия в сельской местности или в других городках. Не было ничего похожего на отмену регулирования цен или общее дерегулирование; просто в результате развития, которое можно проследить с XII века в Северной Италии, предприимчивые купцы и ремесленники подыскивали себе все более благоприятные возможности для относительно свободного занятия торговлей и производством, пока к концу XVIII века старые формы торговли через «привилегированные (регулируемые) компании» купцов или ремесленников не отмерли. Как сардонически заметил в 1776 году Адам Смит, «быть только бесполезной – это, пожалуй, самая высокая похвала, какую когда-либо может справедливо заслужить привилегированная компания...»⁵.

2. Инновация через расширение торговли и открытие новых ресурсов

По мере того как купцы освобождались от политического контроля, они вовлекали в товарооборот все большее количество товаров и все большие территории. Первые дальние торговые путешествия в случае успеха приносили грандиозную прибыль, по мнению некоторых наблюдателей, – скандально большую. Но для понимания составляющих западного роста всего поучительнее тот факт, что купцы очень рано обнаружили крайнюю выгоду новых продуктов, нравящихся покупателям и не имеющих аналогов. Может быть, в период позднего Средневековья они и шокировали своих коллег тем, что заставляли потребителей раскошелиться на экзотические иноземные блага, вместо того чтобы сбывать им традиционные изделия местных гильдий, и, скорее всего, они приводили соседей-бюргеров в ярость тем, что увлекали одаренных юнцов от честных промыслов в опасные путешествия в неизвестные и зачастую языческие места. Но в современных терминах то, что они делали, называется инновацией и конкуренцией через инновацию. Трудно переоценить их роль в экономическом росте Запада.

Важной характеристикой экономической системы, которая тесно связана с ростом, является развитие торговли и обмена как внутри страны, так и за рубежом. Отчасти это статистический артефакт, поскольку большинство показателей статистики экономического роста измеряют объем тех или иных аспектов торговли, но у этого явления есть и более глубокое значение. Обычно обмен не происходит до тех пор, пока обе стороны не видят в нем выгоды, отдавая что-либо, что каждая сторона может произвести (или приобрести) каким-то другим способом с большей легкостью, чем то, что получает взамен от другой стороны. Многие общины пытались удовлетворять свои нужды с помощью местной продукции, подобно феодальным поместьям средневековой Европы или деревенским хозяйствам в третьем мире. Когда такие общины начинают удовлетворять свои потребности с помощью торговли или обмена с другими общинами или иностранцами, как это происходило в Англии в период упадка поместной системы, значит, уже возникло специализированное производство, и сотрудничество общин осуществляется на базе торговли. Все это ведет к росту богатства.

По крайней мере, в самом начале торговли Запад охотился не только за новыми и экзотическими восточными товарами, но также за более знакомыми природными ресурсами, за всем, что можно было поймать сетью, силками, срубить, выкопать из земли или вырастить и с выгодой продать на европейских рынках. Трапперам Северной Америки предшествовали рыбаки, а за трапперами следовали фермеры, лесорубы и горняки. Исследование дальних земель, заморская и внутренняя торговля, поиск и использование новых природных ресурсов – все это было тесно связано с процессом инновации.

⁵ Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов (далее: Богатство народов). М., 1962. С. 528.

3. Инновация через сокращение издержек производства

Тот, кто первым начинал продавать новые импортные товары, богател. Когда немного позднее предприимчивые ремесленники, уходя от гильдейских ограничений, начали заводить относительно большие мастерские или мануфактуры вне пределов юрисдикции гильдий, они дополнили купеческую формулу «успех приходит к первому» поиском методов производства с низкими издержками. Позднее, во времена промышленной революции XVII века, была использована та же формула конкуренции с помощью методов производства с низкими издержками, на этот раз – через использование в производстве более мощных машин и двигателей.

4. Инновация через выпуск новых продуктов

Создание и производство новых продуктов не сулило большого богатства до тех пор, пока изобретатели осуществляли производство в небольших объемах. Новые продукты появлялись и в дофабричный период – от улучшенных повозок и экипажей до усовершенствованных часов. Но при всем совершенстве своего изделия изобретательный часовщик не мог на этом сильно разбогатеть просто потому, что он производил свои часы в очень небольшом количестве. Положение изменилось с появлением фабричного производства, и в XIX веке производство новинок стало иногда весьма выгодным.

В большинстве обществ новые продукты предназначались, как правило, не для бедняков, но для богатых людей. Своеобразие западного экономического роста в том, что хотя немногие стали чрезвычайно богатыми, выигрыш в благосостоянии достался большей частью людям не весьма состоятельным. Объясняется это природой инноваций, которые были лучшей дорогой к богатству. Инновации, сокращавшие издержки производства, мало отражались на жизненном стиле людей обеспеченных, способных заплатить за товар, произведенный по традиционной технологии; наибольшие доходы приносили те блага, которые предназначались многим, а не некоторым. Так, первые текстильные фабрики производили ткани невысокого качества, которые покупались исключительно людьми небогатыми; столетие спустя громадное состояние на производстве автомобилей составил Генри Форд, а не Генри Ройс. Самые богатые в 1885 году имели столь же хорошие жилищные условия, одежду и украшения, как и в 1985 году. Совершенствование транспорта и методов сохранения пищевых продуктов пошло на пользу и бедным, и богатым, но вкусовые привычки богачей изменились, главным образом, благодаря современному представлению, что тучность неблагоприятна для здоровья. Заметная снисходительность к таким новшествам в области массовых развлечений, как профессиональный спорт, кино, телевидение и рок-музыка, сегодня стала почти таким же признаком принадлежности к высшим классам, как получение образования вне новой системы публичных школ и колледжей. Гораздо легче вообразить новшества, принесшие выгоды только небогатым, чем такие, от которых выиграли только богачи. И в самом деле, новшеств последнего типа было сравнительно немного: совершенствование медицины, появление кондиционирования воздуха, улучшение транспорта и методов сохранения продуктов питания. Превосходный вопрос – в какой степени современные электроприборы компенсировали богатым исчезновение слуг. Для понимания природы западного роста важно понять, что наибольшие выгоды здесь доставались тем изобретателям, которые улучшали образ жизни множества небогатых людей, а не тем, кто ориентировался на малочисленных богачей.

Мы уже отмечали, что статистика национального производства в течение длительных периодов времени не адекватно отражает последствия изменений в составе производства. В силу склонности западных экономик ориентироваться на производство продуктов и услуг для массовых рынков можно предположить, что состав производства изменялся в пользу небога-

того большинства населения. Это малосущественно для тех, кто находится на вершине пирамиды богатства, но те, кто чуть ниже – где можно ожидать найти людей, приписывающих себе высший культурный и социальный статус, но не могущих его поддерживать соответствующим стилем жизни, – под влиянием раздражения и обиды склонны клеймить развитые западные общества за скудоумие, дурной вкус, вульгарность, страсть к дешевке или даже за потребление.

5. Развитие источников инновационных идей

Развитие хозяйственной жизни, предоставлявшей каждому возможности создавать новое предприятие, изменять профиль существующих, назначать цены, обещающие наибольшие прибыли (и все это – не заботясь об официальных разрешениях), создало возможности обогащаться для тех, кто мог предложить рынку новинки, пользующиеся спросом покупателей и не знающие конкуренции в силу своей новизны. Но одно дело знать, что богатство течет к тому, кто внедряет дешевые методы производства или предлагает на рынок новые продукты, и совсем другое дело – уметь усовершенствовать методы производства и сами продукты. Западная система роста нуждалась в источниках новых идей. Развитие таких источников шло, грубо говоря, двумя параллельными путями.

В XVII веке Запад развил методы научного исследования, что принято связывать с именами Галилея и Бэкона. Новые научные процедуры базировались на наблюдении, анализе и эксперименте. Настаивая на экспериментальной проверке научных объяснений, Галилей и его последователи выработали общий критерий научной истины, который позволил ученым самых разных специальностей доверять результатам своих коллег и использовать их в своей работе. Общность метода позволила сформироваться научному сообществу, характеризовавшемуся разделением труда между учеными различных областей знания, каждый из которых вносил вклад в накопление и систематизацию знаний. К концу XVII века размах научной деятельности на Западе уже существенно превосходил все, что существовало ранее или в других современных культурах. Соответственно этому развивалось понимание природы мира. При всем при этом здесь мы имели еще только начало будущего развития.

В XVII веке сформировались метод и организация науки, секулярное мировоззрение и зачатки фундаментальных наук, из которых развились современные науки западного мира. Но в области промышленной технологии источником прогресса до самого конца XIX века являлись усилия и эксперименты отдельных изобретателей. Влияние научных открытий было еще косвенным, хотя некоторые химики и смогли достаточно рано сформировать связи между научными объяснениями и промышленной практикой. Несмотря на это, прогресс промышленных технологий в XVIII–XIX веках был не менее поразительным, чем достижения науки.

Сегодня мы признаем приблизительное разделение между чистой наукой, которая пытается объяснить природные явления, и прикладной наукой, ориентированной на создание новых продуктов и процессов производства. В конце XIX века в области химии, электричества и биологии пути чистой и прикладной науки сошлись. Изобретатели-самоучки прошлого уступили место профессиональным ученым просто в силу того, что теперь промышленность имела дело с явлениями, которые могли быть поняты лишь в терминах чистой науки, а язык науки был доступен только подготовленным профессионалам. Дело не столько в том, что оказались исчерпанными возможности изобретателей-одиночек; просто развитие науки создало новый мир профессиональных изобретателей. Таким образом, потребовалось примерно 250 лет на то, чтобы методы Галилея стали господствующими в сфере промышленных изобретений.

6. Неопределенность и эксперимент

Весь процесс инноваций пронизан неопределенностью. Результат изобретения, по самому определению изобретения, непредсказуем. Издержки внедрения обычно неизвестны, и то же относится к выгодам, которые определяются достоинствами конечного продукта и затратами на производство, а также продолжительностью его коммерческой эксплуатации до момента, когда конкурирующие продукты подрежут прибыли. Человеческий опыт, рассудительность и планирование могут снизить риск, но не в состоянии его устранить.

Единственный известный способ устранения неопределенностей, сопровождающих любой инновационный проект, – это эксперимент, включающий производство и сбыт продукта. Такие эксперименты дороги; с другой стороны, отказ от них делает инновации невозможными. А результатом успешных экспериментов является экономический рост. Запад нашел решение этой проблемы в своего рода страховании. В процессе инноваций участвует относительно большое число фирм и индивидуумов, у которых для этого достаточно денег и талантов. При таком подходе уменьшается риск того, что многообещающая идея будет отвергнута. Вместе с правом принимать решения приходит ответственность: изобретатель терпит убытки от неудачных экспериментов и получает всю возможную прибыль в случае успеха.

Эта система децентрализации власти и ответственности, столь благоприятная для экспериментирования, предполагает право собственности инноваторов на необходимые средства, лаборатории, фабрики и систему сбыта. Чтобы воспроизвести западную инновационную систему, социалистическое государство должно предоставить управляющим социалистическими предприятиями приблизительно те же права, какие имеет собственник капиталистического предприятия: определять направление использования средств предприятия, состав производимых продуктов, методы производства и цены на продукты. Может быть, и не обязательно давать управляющим собственнические права по отношению к прибылям и убыткам; в конце концов многие западные инновации были осуществлены под руководством менеджеров, получавших вознаграждение в виде жалованья и премий. С другой стороны, отношения между частным собственником и наемным менеджером не идентичны отношениям между государством и наемным государственным служащим, и немало инноваций на Западе было осуществлено на предприятиях, управляемых владельцами. Сомнительно, что социалистическое общество окажется в той же степени способно к инновациям, как и Запад, если оно не сможет воспроизвести основные функциональные черты частной собственности на средства производства и не децентрализует решения об использовании средств производства настолько, что сделает планирование невозможным. Иными словами, западная система инноваций, видимо, неотделима от системы частной собственности.

7. Преодоление сопротивления инновациям

Децентрализация полномочий осуществлять инновации предохранила Запад от постоянно нависающей угрозы – от противодействия тех, кто заинтересован в сохранении статус-кво. Решение о внедрении новшества редко будет принято или профинансировано правительственными чиновниками или служащими корпорации, карьера которых пострадает в случае успешности эксперимента. Иногда успех инновации ведет к исчезновению целых отраслей промышленности, сопровождается громадными потерями капитала, обесцениванием опыта и профессиональных умений работников. Сопротивление инновациям может быть и бывало весьма мощным.

Методы преодоления сопротивления сторонников статус-кво включают и систему децентрализации принятия решений об инвестициях в основные фонды. Не все капиталовложения

имеют целью инновации; иногда средства вкладываются в замену старого оборудования без какой-либо модернизации. Но рассредоточенность центров принятия инвестиционных решений обычно неотделима от рассредоточенности права принимать решения о внедрении изобретений.

Не исключено, что причиной сравнительного бессилия тех, кто хотел бы избежать инноваций, была, в конечном счете, общая для Запада вера в то, что новшество – дело хорошее. Впрочем, свидетельств того, что когда-либо вопрос обсуждался в таких терминах, мало. Подобно другим элементам западной системы роста, этот возник гораздо более окольным и не столь уж рациональным путем. В Средние века гильдии и корпорации, которые хотели получить право контролировать доступ к промыслам, покупали у монархов хартию. Торговля этими хартиями представляла собой важный источник дохода для королевской казны. Когда английские судьи столкнулись с вопросом, должен ли желающий заняться каким-либо узаконенным промыслом нести ответственность за возникающий при этом ущерб для тех, кто уже практикует такой промысел, забота о доходах казны продиктовала предсказуемый ответ: нет хартии, нет ответственности. К XVII веку среди английских купцов возникла сильная оппозиция дальнейшему выпуску такого рода хартий. Таким сомнительным способом в английских законах закрепилось право индивидуума заниматься торговлей и производством, не неся при этом ответственности перед своими конкурентами. К концу XVIII века, когда развитие фабричного производства сильно подорвало некоторые виды ремесла, не осталось никаких способов бороться с новшествами, кроме грубого насилия. И порой сила применялась, но это было незаконное насилие, подавлявшееся политическими властями, которые боролись с бунтами, поджогами и саботажем.

8. Инновация в организации: разнообразие

Мы подчеркнули роль технологических инноваций как главного элемента западной системы роста. Но следует отметить и роль организационных новшеств; есть основания считать, что успех Запада в осуществлении технологических инноваций был предопределен успешностью именно организационных новшеств.

Начиная с XV века, множатся изменения внутренней экономической организации западных обществ. Начинают изменяться отношения между политической и экономической сферами деятельности. Европейские правительства и купцы соединяют усилия в изобретении новых форм предприятий, иногда успешно, а порой – с чудовищными или скандальными результатами. В конце XVIII века промышленная революция сделала необходимым изобретение новых видов организации для новых видов хозяйственных предприятий. Проблема не сводилась просто к юридической форме – корпорация, товарищество или единоличная собственность. Были и совершенно новые проблемы – как организовать группы рабочих разной специальности, гораздо более многочисленные, чем в ремесленных производствах; как уменьшить риск, возникающий при инвестировании значительного капитала в одно предприятие; какие направления деятельности соединить в одном предприятии; как защитить интересы собственников во все более частой ситуации, когда предприятием управляют наемные специалисты. Продолжая эксперименты, Запад нашел решения этих проблем. Решения нередко оказывались временными, но порождавший их процесс экспериментирования стал фундаментом экономического развития Запада.

По мере роста хозяйства, изменения методов производства и состава производимых продуктов непрерывно изменялись размер и структура предприятий. Размер и организационно-правовая форма предприятий (товарищество, корпорация, единоличная собственность) должны были адаптироваться к новому окружению фабрики: к железным дорогам и аппарату урбанизации (транспорт, газ и электричество). К тому же конкуренция и особенно соперниче-

ство за первенство во внедрении новшеств подталкивала предприятия к таким изменениям, которые обеспечивали бы конкурентные преимущества. Попытка опередить конкурентов в предъявлении нового продукта или во внедрении дешевого метода производства уже известного продукта есть попытка видоизменения (дифференциации). Соединение необходимой адаптации к изменяющемуся окружению и попыток видоизмениться ради обретения конкурентных преимуществ породило поразительное разнообразие в размерах, экономических функциях и организации предприятий.

Это разнообразие стоит подчеркнуть сравнением двух различных школ мысли, равно недооценивавших разнообразие западных предприятий. Ортодоксальный экономический анализ рассматривает фирму как организационный черный ящик, иногда именуемый производственной функцией, но в любом случае представляемый как основная единица анализа, не подлежащая дальнейшей дифференциации. Такое упрощение помогает объяснять существующие производство и распределение, но не объясняет экономических изменений и роста, может быть в силу пренебрежения процессами видоизменения (дифференциации) предприятий, которое дает начало росту и изменениям. Другим результатом такого упрощения оказывается чрезвычайно мирная и дистиллированная концепция конкуренции, не знающая стрессов и давящего соперничества, обычно подразумеваемых идеей конкуренции; и опять причиной является пренебрежение осознанной самодифференциацией, которая в условиях соперничества – почти универсальная стратегия победы. Другая научная школа подчеркивает роль очень больших предприятий в экономике Запада и неадекватно оценивает роль малых и средних предприятий как в общей хозяйственной деятельности, так и в процессе изменений и инноваций. И здесь за упрощение пришлось заплатить неспособностью объяснить как экономический рост, так и конкурентные стрессы, столь явно свойственные хозяйственной жизни Запада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.